

№82

ИЮНЬ 2013

Вероника
ДОЛИНА

СЭЦГОЗОР

Английский журнал
of ACCU-SO is international magazine
(Russian language)

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Этот мой Доклад — для всех кто изучает историю. Многие спорят: был ли геноцид русских в Чечне? В какие годы? Правозащитники видят только одних «пострадавших». А пострадали ВСЕ (!) жители Чечни.

Конечно, мало кому нравится правда. Одни хотят забыть, потому что на них лежит вина за совершённые преступления. У других болит душа от невысказанности, от чувства долга перед теми, кто не может себя защитить.

Я расскажу как свидетель: что случилось в Чеченской Республике в 1994–2004 гг. на самом деле. Может быть потомки разберутся, поймут, как преступные действия властей ведут к кровавым развитиям событий среди дружественно соседствующих народов.

***

Жеребцова П. В., независимый эксперт по положению мирных жителей во время военных конфликтов 1994–2004 г.г. в Чеченской Республике, автор документальных Дневников военного времени, уроженка города Грозного.

- Полина Жеребцова

- ЧАСТЬ 1

- МАЛЕНЬКАЯ ЛОЖЬ
    - СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА
    - НЕФТЬ
    - БОМБИЛИ ВСЕХ ПОДРЯД
    - В ПЕРВУЮ ЧЕЧЕНСКУЮ ВОЙНУ
    - ГЕНОЦИД

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- ПРАВОЗАЩИТНИКИ: ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ
    - О «НЕЧЕЧЕНЦАХ» БУДУ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ Я
    - ПЫЛИНКА

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

- ПРАВДА ОДНОЙ СТОРОНЫ
    - ПРАВДА, КАК ОНА ЕСТЬ

- ЭПИЛОГ

Полина Жеребцова
Доклад о военных преступлениях на
территории Чеченской республики
1994–2004 г.г
Что и как творилось в Чечне против
мирного населения всех
национальностей

Каждый житель Чеченской Республики — жертва военных преступлений вне зависимости от его этнической принадлежности или религиозных убеждений.

ЧАСТЬ 1

МАЛЕНЬКАЯ ЛОЖЬ

Когда создаются так называемые «исторические хроники», нередко используется одна маленькая ложь. Этакая крохотная, ничтожная мелочь, настраивающая весь последующий механизм на правду одной стороны. Всё повествование рассказчика может быть правдой, кроме этой завуалированной и преподнесенной как самое истинное утверждение маленькой, едкой и коварной лжи.

«Правда одной стороны» — термин, который я ввела и использую, свидетельствуя о русско-чеченских войнах 1994–2004 г.г. Если вы хотите узнать истинную правду, то при любом объективном взгляде на «чеченский» военный конфликт, следует отслеживать «правду одной стороны» и немедленно ее исключать. Ибо это и есть та самая ложь, которая заставит вас бродить в темноте.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

Я родилась в 1985 году, в центральном роддоме города Грозного на Северном Кавказе, в многонациональной семье. Все мои прадедушки, прабабушки, дедушки и бабушки были разных национальностей. В огромной библиотеке данью уважения различным конфессиям предков стояли на верхней полке три книги: Тора, Библия и Коран. На полке чуть ниже располагались труды Конфуция, сказания о Гаутаме и тибетская книга мертвых.

Мне по материнской линии досталась фамилия — Жеребцова. Это фамилия донских казаков, бывших дворян, бежавших от царской опалы на вольные земли к Дону, огромной зеленой реке, которую почитали и скифы, и хазары. Опираясь на данную фамилию, любой не вполне образованный человек мог с легкостью заявить, что ее носители — русские.

В уже далекое время моего рождения это утверждение не было на моей родине клеймом позора, поэтому мы не обижались, а при случае начинали пересказывать родословную, где причудливыми узорами вплетались в генетический код испанцы и французы, евреи и чеченцы, русские и татары, украинцы и поляки....

Во дворе из нескольких четырехэтажных домов и одного пятиэтажного жили наши многонациональные соседи: русские, аварцы, ингуши, чеченцы, армяне, украинцы, белорусы, даргинцы, цыгане и другие. Чеченских семей в городе было мало. На весь наш трехподъездный кирпичный дом из четырех этажей (46 квартир) — лишь десять квартир принадлежало чеченским семьям, многие из которых в городе не проживали, приезжали редко. Чеченцы в основном жили в селах — ближе к горам — и занимались животноводством и строительством.

До Первой чеченской войны отношения между соседями в Грозном были дружные, и конфликтов на национальной почве я не помню ни одного. Но помню другое: в некоторых семьях у детей мама была русская или украинка, а папа — чеченец или ингуш.

В 1992–1994 гг. в республике произошли общие волнения, связанные с резким упадком уровня жизни, перебоем с продуктами: местное правительство проворовалось. Начали задерживать, а потом и вовсе разокрали заработную плату, пособия, пенсии. Гремела Перестройка...

«21 мая 1994 г. Мы варили суп из куриных лап и ели. Раньше из курицы варили, а теперь из лап. Лапы продаются на килограмм. Курица была вкуснее. Намного вкуснее.»

Хлеб и масло выдавали по талонам. Очередь люди занимали с ночи. Мерзли. Утром в драке за булку хлеба побеждали самые сильные и отчаянные бойцы. Мы с мамой нередко шли домой с пустыми руками.

Но на отношениях между соседями это, однако, никак не отразилось: люди по мере возможности помогали друг другу и жили мирно. На православную христианскую Пасху все дети в нашем дворе ели куличи и яйца, а на мусульманскую — Уразу Байрам, ходили, стучали в двери, прося конфеты и печенья. Так же все дружно справляли Новый год!

В 1994 г. осенью для мирного населения Чеченской Республики война казалась еще чем-то немыслимым и невозможным, хотя танки зловещим кольцом уже потянулись к нам, а самолеты начали «плевать» бомбами и ракетами.

Первыми в г. Грозном на улице Розы Люксембург в одном квартале от улицы Мира погибли русские старики-герои, воевавшие против фашизма, и погибшие от того, что на их дом сбросил бомбу российский военный самолет. Это случилось поздно ночью. Соседи, которые жили на нижних этажах, смогли убежать, а старики не успели. Они жили на самом верхнем этаже.

Я присутствовала на месте их погребения заживо. Из-за бомбового удара плиты рухнувшего дома упали так, что извлечь тяжело раненных стариков никто не мог: не было техники, чтобы разгрести плиты, а вручную под нескончаемой стрельбой у людей, неподготовленных к такому повороту событий в родной стране, не получалось...

Трое суток старики громко стонали и кричали, придавленные обломками плит, пока не умерли. Я стояла возле этой горы плит. Мне было девять лет. И я свидетельствую: люди разных национальностей плакали, слыша стоны погибающих несчастных. Вместе плакали русские, чеченцы, ингуши, армяне, цыгане, кумыки и многие-многие другие. Люди приносили еду и воду, ставили их рядом с руинами, зажигали свечи. И проклинали власть господина Ельцина.

В 1994 году власти России развязали на территории моей родины кровавую бойню против мирного населения ВСЕХ национальностей. Почему это произошло?

Как новейшие учебники истории не хрустели своими страницами, какие бы пытливые умы не искали в этом нападении «российско-имперской жилки» и угнетения чеченцев как определенного народа, — я как свидетель объясняю: говорили жители совсем о другом.

НЕФТЬ

Нефтедобыча, бесконечным потоком деньги от которой оседали в невидимых народу карманах власти и утекали в неизвестном направлении... Взрослые и дети, старики с длинными носами и курносые от рождения твердили: «Нефть. Не будь этой проклятой нефти, Россия не сунулась бы к нам!». Что обещал Джохар Дудаев, выступая на митингах? Как притча передавалась из уст в уста, фраза, что краны в туалетах будут из золота, а сам туалет в алмазах — если деньги от нефти разделить между всеми жителями республики, как делают в ОАЭ.

Сам Джохар вел себя как арабский принц, призывая к свободе. Гордо реяло зеленое знамя с пушистым волком.

Новогодний шторм 1995 года наша семья встречала в окружении беженцев: их квартиру разбило, и множество людей спустилось к нам, на первый этаж.

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«1 января 1995 года. Наступил год Свиньи! Знак зодиака такой. Всю ночь стреляли по дому. Мы лежали в коридорной нише. Там нет окон. До этого сидели на санках, на полу в ванной. Дом трясся. Горел. Танки шли по трассе, стреляли. Скрежет страшный.

Мансур с мальчишками бегал смотреть на танки. Самолеты бросали бомбы.

А потом так бухбухнули снарядом, что у нас на кухне с окна упала решетка. И упала она на маму, бабу Нину и тетю Валю»

БОМБИЛИ ВСЕХ ПОДРЯД

Все мирное население Чеченской республики вне зависимости от национальности и вероисповедания подвергалось массивным бомбовым ударам с воздуха, обстреливалось артиллерией с земли. Ведь никто не спрашивает фамилию или имя перед тем, как превратить дома в груды искореженных плит. Были убиты тысячи детей, уничтожены тысячи стариков. Они — самая незащищенная часть населения. Все жители, проживавшие тогда в Чеченской Республике стали жертвами военного преступления властей РФ: военными были отброшены любые формы человечности и морали. Применялось запрещенное для городов с мирными жителями оружие. Все пункты женевской конвенции в одночасье стерлись перед натиском жестокости и насилия, а город Грозный стал самым разрушенным городом мира.

Мой дед по материнской линии Жеребцов Анатолий Павлович, проработавший 25 лет на главной телестудии г. Грозного кинооператором-документалистом, погиб в начале первой чеченской — под обстрелом в больнице № 2 на улице Первомайской.

Участник Второй мировой, знаток шести языков (на чеченском и ингушском он говорил в совершенстве) погиб при обстреле российскими войсками.

На дом бабушки Элизабет (по национальности польской еврейки), в грозненском районе «Минутка» российский самолет сбросил бомбу: ее тело не было найдено, равно как и тела её соседей — самых разных национальностей.

Все, у кого была финансовая возможность, постарались как можно быстрее выехать из объятой войной республики. А у кого такие возможности были? Смотри выше: несколько лет — ни пенсий, ни пособий, и хлеб — в драке...

Самой незащищенной частью населения оказались старые одинокие немощные люди. Преимущественно русские. Или, как принято называть на моей многонациональной родине, людей европейско-славянских корней — «нечеченцев». Чеченцы и ингуши никогда не бросают своих стариков и детей.

Правительство не создавало никаких условий для того, чтобы мирное население могло спокойно выехать из республики. Не были предоставлены теплые дома или достойные пособия для жизни. Многие, выехав из республики и поночевав на скамейках в парке или на вокзалах, наголодавшись и попав в неприятности, возвращались под бомбы, так как просто не были приняты в

других регионах.

Чеченцы, у которых считается долгом родниться даже с самыми дальними людьми из своего тейпа (рода), выиграли в битве за выживание перед всеми другими этносами, оказавшимися в зоне преступного конфликта, который развязали власти РФ.

Я считаю, что в этот момент и началось главное разделение всех мирных граждан, до этого дружественно соседствующих.

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«10 ноября 1995 года. Потом мы вернулись, хотели квартиры продать. Но никто не купил. Тетя Валя подумала, и решила, что тут ее муж похоронен, родные. Что, наверное, не нужно уезжать. Может быть, будет мир? Мама любит Грозный.

И мы остались»

В ПЕРВУЮ ЧЕЧЕНСКУЮ ВОЙНУ

Все мирные жители были равными между собой: вместе ходили за водой на колодцы, вместе прятались в подвалах, вместе пекли хлеб и спасали детей. В нашей однокомнатной квартире по улице Заветы-Ильича одновременно проживало 11 соседей-беженцев: разных национальностей и вероисповеданий.

Боевиками в первую чеченскую становились те, чьи родные (мать, отец, брат, сестра, ребенок) погибли при бомбежках или артобстрелах, а они могли держать в руках оружие и воевать. Боевиков в первую чеченскую войну мирные жители называли «ополченцами» т. к. подразумевалось, что они борются с захватчиками: теми, кто бомбит и уничтожает всех нас.

Характерно то, что среди «ополченцев» были как чеченцы, так и нечеченцы: представители других народов для которых Чеченская Республика также являлась родиной: русские, ингуши, армяне, цыгане, татары и другие. Известны случаи, когда российские солдаты переходили на сторону «ополченцев», видя в их сопротивлении справедливость.

История одного русского солдата Дмитрия в те годы была хорошо известна на территории Чеченской Республики: он храбро сражался на стороне «ополченцев» и погиб в боях в селении Бамут. О службе в армии РФ рассказывал: «Дедовщина, издевательства, полное вырождение...»

ГЕНОЦИД

Раскол и ненависть по национальным признакам достигли своего апогея к 1996 году, после того как представители российской армии, по свидетельствам десятков очевидцев, а также имеющимся фото- и видео-документам, устроили настоящую бойню: убили множество чеченских женщин, стариков и детей в селении «Самашки» в 1995 г. (И продолжили зверствовать в 1996 г.)

Из моего Дневника (1994–1999 гг.)

«7 апреля 1996 года. Тетя Амина сказала, что в селе Самашки убиты военными много жителей. У нее там брата убило и всю его семью: жену и детей. Мама сидит и курит сигарету. Как я терпеть не могу сигареты! Она меня бьет полотенцем, если я их ломаю. И тетя Амина сидит и курит. И обе плачут. А дядя армянин по имени Эдик исчез. Просто пропал. В его дом поселились какие-то люди. Нерусские.

Поля».

«24 апреля 1996 год. Опять я на рынке торгую. А что делать? Надо жить дальше!

С утра наторговала немного. Купила пирожок с картошкой. Учю чеченский язык.

По-русски теперь мало кто говорит. Книжку мне тетя Марьям дала. Там есть слова:

„Ха це хую?“ — как тебя зовут.

„Хо ху дешь ю?“ — что ты делаешь?

И другие.»

Ненависть к «нечеченцам» крепла от горя и обид. Ненависть подпитывалась жадой наживы среди преступных элементов, которые заглядывались на обставленные квартиры «нечеченцев» с откровенным желанием убить и пограбить.

Стали звучать призывы о том, что убить любого «нечеченца» великое благо.

Всех «нечеченцев» объявили вне закона в 1996 году.

Хочу пояснить, что среди чеченцев и ингушей немало порядочнейшие людей, которым подобные заявления пришлось не по нраву: ведь с «нечеченцами» многие роднились и жили рядом годами. Несмотря на чудовищную депортацию по указу Сталина в 1944 году, издевательское обращение сотрудников НКВД при высылке с родных земель, возвращенцы нашли в себе мужество и доброту, позволившие им мирно соседствовать с «нечеченцами».

Но были и те, кто подхватили, как знамя, призыв убивать своих соседей и захватывать их имущество. В 1996–1998 годах: убийство и захват имущества «нечеченцев» т. е. русских и всех остальных были поставлены на поток. Их называли «русская свинья» (Гъаски хак). Те чеченцы, которым человечность не позволяла подобных действий, были вынуждены не вмешиваться в происходящее или бежать из республики, так как за помощь «русскому населению» можно было получить от «своих» пулю или нож. За это могли даже казнить как «предателей».

Однако известны случаи, когда, несмотря на опасность для себя и своей семьи чеченцы и ингуши прятали у себя русских соседей, помогали выехать из Чеченской Республики.

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«7 марта 1998 год. Баба Тоня боится оставлять квартиру без кого-то. Ведь зайдут и захватят! Если стучат в дверь (а стучали, и не раз), я по-чеченски спрашиваю:

— Хьо мил ву?* (Кто там?*) Бандиты уходят. Думают, что эту квартиру уже захватили».

Если внимательно прочитать мой детский дневник, который ни одно российское издательство на 2013 год так и не рискнуло опубликовать, то становится понятно, что в 1995 году эти преследования робко зарождались как следствие развязанных преступных военных действий господина Ельцина:

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«4 декабря 1995 год. Кричали на весь двор:

— Русские сволочи! Твари! Зарежем!

А мама сказала:

— Хрен вам, а не русская квартира! Подлые гады, не троньте Валю!

Другие соседи говорили маме, чтобы она тетю Валю не защищала. Маму все любят. Зовут ее „Лейла“. Но мама сказала, что не уступит».

«2 сентября 1997 года. Словно в награду за все, мне пришло письмо. Тетя Валя и Аленка живы! Они уехали с дядей Сашей на какой-то русский хутор. Есть речка и маленький дом! Как я за них рада! Слава Богу! Им помогли чеченцы. За это тетя Валя отдала им свою трехкомнатную квартиру, а они бандитов прогнали. Тех чеченцев, что были с автоматами. У этих, добрых чеченцев, были пулеметы».

Геноцид имеет разные направления, он извивается как змеи на голове Медузы-Горгоны. Агрессию против мирного населения проявила власть, а потом, заглушая шум жутких по масштабам кровавых рек причудливыми хитросплетениями, она стала стравливать живущие на территории Чеченской Республики народы. Помня древний закон подлецов: разделяй и властвуй, власти РФ при помощи нескольких честолюбивых идиотов-националистов в местной трясине отправили на тот свет десятки тысяч людей.

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«16 ноября 1996 года. Убили стариков-армян. Повесили. Кто-то из-за квартиры это сделал. Убили русскую семью: папу, маму и троих детей на остановке „Автотрест“.

Зарезали даже малыша в кроватке. Я думала: как так можно? Наверное, это очень плохие люди пришли, и всех убивают. Почему мы не можем уехать? Мама говорит: некуда — близких родственников нет, жилья нигде больше нет, тут квартиру не купят, идти некуда. Что же делать? В школе издеваются и обзывают каждый день».

Вероятнее всего вы бы хотели спросить у меня: как мы выжили? И я объясню, вернее, объяснит документальное свидетельство, так и не опубликованное в России:

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«4 декабря 1995 года. Лейлой маму впервые назвал мой отчим Руслан. Он — чеченец, мамин друг сердца. Мама его спасла. На рынке. Там приехали БТРы и всех людей хватали. Потом людей пытаются и убивают. Везут в такое место — называется „фильтрационный лагерь“ — и там убивают. Руслан весной продавал запчасти от машин. Всех в его ряду на рынке схватили: и парней и дедушек. Мама дала Руслану пустую бутылку для воды и стала кричать:

— Сердцем плохо!!! Воды! Воды!

Солдатам сказала, что Руслан — ее сосед, и ей воды принесет и лекарства. И его отпустили. Он ушел. А всех, кого забрали, больше никто не видел».

В школе было труднее: там знали фамилию и выжить практически не было шансов. Помогали друзья.

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«23 декабря 1997 года, вторник 12:00 дня. В школе было два урока. Я, Заира, Сета, Тина и Зуля играли в догонялки и жмурки. Было весело. Мы так смеялись!.. Когда замерзли на улице, пошли в класс. Отопления нет, но в здании не так холодно. Мы стали играть на классной доске в крестики-нолики. Когда вошли, забыли изнутри запереть класс на швабру. Мы всегда так делаем обычно, потому что опасно — может кто-нибудь ворваться и пострелять.

И тут вломились парни из 11-го и 10-го классов. И давай орать по-чеченски, что другие из их класса сказали им, что меня зовут „Касси“, и что со мной „все можно“, потому что я — русская. Намерения утащить меня на чердак у них были самые серьезные, а учителей по

близости — ни одного. Да разве кто вступится? Но меня выручили мои девчонки! Заира, Тина и Зуля стали стеной и сказали:

— Вы ошибаетесь! Она не русская! Ее зовут Фатима. Ее отец — чеченец. Она — чеченка! Касси — это другая девочка. У нее тоже русская мама, а папа — ингуш. Не трогайте их!

Парни по-чеченски стали спорить, но фраза, что у меня отец — чеченец, их испугала.

Девочки были готовы защищать меня до конца. Тина схватила железный совок, Зуля деревянный стул, а Сета в большом платке — швабру. Тогда парни поняли, что у них ничего не выйдет, и ушли. Мы поскорее заперли класс. Руки дрожали от страха, и не только у меня.

— Почему так происходит? — спросила худенькая Тина.

— Они думают, что Полина — русская! Русские — не люди. Рабы! Твари! Они нас бомбят! — громко сказала Зуля-Толстушка. — Полина должна всем говорить, что ее отец — чеченец, иначе ее убьют! Мы же не всегда бываем рядом.

— А почему ты сказала, что меня зовут Фатима? — спросила я Заиру.

— Не знаю, — ответила она. — Просто это первое, что пришло мне в голову. Так звали дочь Пророка Магомеда».

...Выход российских войск из ЧР в августе 1996 года и летняя война, где погибли тысячи мирных жителей, способствовали новому витку ненависти и геноцида.

«Нечеченцы», в том числе и русские, рожденные в Чеченской Республике, оказались меж двух огней. Они попали в жернова, о которых нельзя вспомнить без ужаса: с одной стороны, их бомбили и убивали «свои» русские военные, причисляя к «чеченцам», а с другой стороны, их начали истреблять озлобленные от боли потерь представители чеченского народа.

Наша семья не могла выехать, несмотря на такую жуткую обстановку, по нескольким причинам:

1. Квартиру у нас не покупали в силу описанных выше причин.

2. Близких родственников в РФ у нас не было.

3. Мой отчим был чеченец: нас пугали, но не трогали.

4. Мы знали, что в РФ к чеченцам плохое отношение, и моему отчиму так же не будет жизни в России, как любому русскому в

Чечне.

5. Мы все же верили, что наступит какой-то хоть относительный мир. Мы любили свою Родину.

Геноцид жителей Чеченской республики вне зависимости от их расовой и религиозной принадлежности был спровоцирован властью РФ.

Высшее руководство страны несет прямую ответственность за разжигание межнациональных распрей. А также за бомбовые удары, снесшие с земли кварталы жилых домов, за убийства мирных граждан, за потерянное в ходе военных действий здоровье.

Все выжившие, пострадавшие жители Чеченской республики независимо от национальности и вероисповедания имеют право подать в суд и потребовать масштабную компенсацию от Министерства Обороны РФ и Министерства Финансов РФ — так как последнее финансирует военных, а значит, и их преступления.

Нужно доводить такие дела до ЕСПЧ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРАВООЗАЩИТНИКИ: ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

Я хочу развенчать два устойчивых мифа, навязанных миллионам людей с помощью СМИ, и различными «известными лицами», которые не находились в военной зоне, не видели все изнутри и могут судить по тем или иным событиям как бы глядя в аквариум, но не находясь в нем. Таких людей иногда называют липовыми правозащитниками.

Миф № 1: «Геноцид был только против чеченцев»

Из моего Доклада понятно, что население Чеченской Республики было мультикультурным и многонациональным. Поэтому власть повинна в геноциде по отношению ко ВСЕМ жителям, но не к одному конкретному народу. Ибо первыми погибли русские старики в столице, а потом уже чеченские дети в селах.

Мне как человеку, видящему общий масштаб катастрофы, не находящему «правду одной стороны» достоверной, понятно, что изменять реальность — удел факиров, пускающих пыль в глаза.

Действительно, в 1991–1994 годах о слове «геноцид» мы ничего не знали, зато с 1995 г. столкнулись с ним лично, причем как от российских властей, так и он народа, соседствующего с нами и озлобленного войной.

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«3 июня 1996 года. Попали под обстрел. На рынке „Березка“. Кто-то танк взорвал.

Потом военные хватали людей и тащили их в машины. Женщины дрались, не давались забирать. Мама предупредила Валю из дома напротив, у которой муж ингуш, чтобы она Башира и Мансура из дома не выпускала. Башир такой злой стал. Камни в меня кидал, обзывал русской тварью. А у самого мама русская. Но он гордится, что у него фамилия папы!»

К 1999 году в нашем четырехэтажном доме остались всего две русские семьи.

Многие были изгнаны, зарезаны, избиты, запуганы и так

далее.

Каждую ночь люди боялись спать: ведь в любой момент могли ворваться и убить.

Нас спасло то, что отчим мой был — чеченцем.

Важный факт: чеченцы не признают никаких бумаг или документов, поэтому для них главное свидетельство — это свидетельство другого чеченца. Мой отчим был человеком работающим, уважаемым и всем клялся, что отец моего отца — чеченец (хотя знать наверняка этого не мог). Моя бабушка — польская еврейка, всегда скрывала сей факт. Но это утверждение о моем отце спасло нас с матерью от неминуемой и страшной гибели. Внешне мы никак не выделялись среди толпы: длинные платья, платки, чеченская речь (обиходные фразы).

При этом российских военных, пришедших истреблять всех нас — жителей Чечни, мы тоже боялись: они вели себя безрассудно и жестоко по отношению ко всем жителям (русским жителям доставалось больше их гнева, так как их считали «пособниками чеченцев» или «сочувствующими чеченцам»)

Во время кровопролитных военных действий в Европу потянулись вереницы чеченцев сдаваться в беженцы, т. е. просить политическое убежище.

А также вереницы аферистов из Дагестана, Ингушетии и других регионов РФ, косивших под «чеченцев». Таким людям оказывалась огромная материальная помощь и великие блага, о которых мы даже не могли мечтать, ползая среди руин без хлеба и воды!

Журналисты и правозащитники в своем большинстве твердили только о том, что было выгодно, а европейские диаспоры чеченцев поддерживали рассказы о геноциде, естественно, соблюдая только свои интересы.

Таким образом, обманутыми оказались в итоге все, кроме жуликов и богачей, имевших 30 000 р. на оформление документов для выезда за границу одного члена семьи — (сравнение: в нашей семье в то время не всегда было и 10 рублей на весь день).

Социальные пособия в Европе за несколько месяцев «оправдывали» вложения (семья: минимум пять человек умножить на 30 000р. = 150 000 рублей) а также в перспективе была новая сытая жизнь.

А все «нечеченцы», мучавшиеся в Чечне, опять оказались в отчаянном и жутком положении: у них были неправильные фамилии, и они не умели ловко врать, что «потеряли паспорта». О них молчали, их предали, их закопали живьем!

Они оказались не нужны никому: ни родине, ни в других

регионах России, ни в Европе. Правозащитники и журналисты о них молчат.

О «НЕЧЕЧЕНЦАХ» БУДУ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ Я

Миф № 2: «Российскую армию в Чечне радостно встречало мирное население»

Что касается этого мифа, то могу свидетельствовать, что никогда: ни во время первой войны, ни во время августовской войны 1996 года, ни во время второй чеченской — никто из известных мне мирных жителей не встречал и не приветствовал российскую армию.

Люди боятся войны, крови и смерти.

Люди не хотят быть убитыми.

Мирные люди всегда стараются держаться подальше от военных.

«Ополченцев» в 1996 году начали называть «боевиками», и вести они стали себя более неприязненно по отношению к «нечеченцам». Однако к «боевикам» отношение все равно осталось двоякое: Среди боевиков были лица, которые помогали мирному населению ВСЕХ национальностей, продовольствием, и медикаментами, поэтому большинство жителей относились к ним терпимо и даже с симпатией.

В большинстве случаев «боевиком» являлся житель, у которого погибла под бомбами вся семья, и который взял в руки оружие. Были такие, кто просто примазался, изображая из себя «боевика» с целью убить и пограбить русских соседей («нечеченцев») в неограниченном количестве, а так же были боевики-наемники, о которых мне практически ничего неизвестно, так как с мирными жителями они никаких контактов не имели и держались особняком в горах и лесах.

ПЫЛИНКА

О «геноциде чеченцев» знают по всему миру

Неправда тут мелкая как пылинка. Пропущена фраза «жителей Чечни». Попадет такая пылинка в глаза современному журналисту или правозащитнику, он сощурится, прослезится и... ничего, можно жить дальше: это ведь совсем маленькая ложь! Да к тому же откуда ему знать правду, если его под бомбами никогда не было.

Я хочу, чтобы вы поняли: геноцид действительно был, но — для ВСЕХ жителей ЧР.

Он исходил от власти: правительство воевало со своим же народом!

Зеркальными отражателями геноцида явились: преследование и уничтожение «нечеченцев» в ЧР, и преследование и пытки в тюрьмах для чеченцев в других российских регионах. Разделение и власть. Древний закон подлецов. Одураченные народы, нищета и голод способствовали смуте.

Отправив на Чечню танки, власти РФ предали своих неготовых к войне солдат и официально признали нас — мирных жителей — «чужими», «врагами», «теми, кого нужно уничтожить».

Из моего Дневника (1994–1999 г.г.)

«18 января 1995 год. У него не было ног. Они сгорели. Он сам попросил. Так сказал Али, который живет через квартал от нас. Али тринадцать лет. Это он убил. А потом он плакал, потому что убивать страшно. Он убил из пистолета. Бабка Нина крестилась, и все плакали. Али отдал тетям письмо. У того солдата написано так: „... Береги дочек. Мы спускаемся к Грозному. Нет выбора. Мы не можем повернуть, наши танки навели на нас пушки. Если мы повернем — это предательство. Нас расстреляют. Мы идем на верную смерть...“.

Тети хотели выбросить письмо, а мама положила его туда, где книги».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРАВДА ОДНОЙ СТОРОНЫ

Знакомая семья ингушей, попросивших убежище в Бельгии, написала письмо в 2003 году, о чем есть соответствующая запись в моем дневнике:

«12 мая 2003 год, понедельник. Соседи осенью 1999-го всей семьей уехали в „беженцы“, в Европу. Теперь живут в Бельгии! Дом с двумя бассейнами. Прислали письмо в „старый двор“ с рассказом, как им живется, какую помощь они получают!

Мы за них рады. Мы купили на рынке немного продуктов и шампунь. Хоть бы воду привезли! Купим ведро — вымоем голову».

Итак, рассказывая об определенной форме геноцида, можно было в разы улучшить свое благосостояние, что незамедлительно сделали сотни семей, имеющих хорошую финансовую базу и поддержку родственников. В основном эти семьи уехали даже не из Чеченской республики, а из других регионов, имея или же покупая чеченскую прописку.

Отчаянно колотя себя в грудь, «теряя» при отсутствии «прописки в Чеченской Республике» огромными семьями настоящие документы, сотни жуликов и искателей приключений обрели европейское гражданство, пользуясь подвернувшимся случаем. Действительно пострадавших среди них чеченцев были единицы. Ведь страдание и огромные деньги на долгую дорогу — вещи, согласитесь, несовместимые.

Что касается моего уже высказанного мнения по этому поводу, то оно еще более окрепло после того, как я в январе 2012 г. попросила политического убежища в Финляндии, и получила его в марте 2013 г. За 1 год и 4 месяца я не встретила НИ ОДНОЙ (!) семьи русских, которые были бы пострадавшими от нечеловеческих условий в Чеченской Республике в 1994–2004 гг, и сумели бы добраться до Европы и попросить здесь убежища.

Что же стало с другими несчастными в военные 1994–2004 годы? С «нечеченцами» и обездоленными ингушами и чеченцами, которых было большинство, не имеющими финансовой возможности уехать?

Тлен в огородах, да под новыми, словно игрушечными домами на проспекте Путина и Героя России Кадырова. Прах и тлен.

А выживших «счастливиц» ждала глубокая нищета, ненужность и преследования как «чеченцев» в других российских регионах, независимо от того, были ли чеченцами или они русские, украинцы или татары. Их называли так по месту рождения, за рассказы о бомбах и расстрелах. Их быстро перестали объявлять «беженцами», называли так: «вынужденные переселенцы», в общем, люди без будущего.

Из моего Дневника (2002–2004 г.г.)

«29 октября 2004 года, пятница. Когда садились в автобус, успели выслушать еще одну историю русской беженки из Чечни, Катерины. Молодая женщина, услышав, что мы из Грозного, заплакала и сказала:

— Тут ад, еще страшнее чем, в Чечне. Власти ничего для нас не делают. Там, в Чечне, нас могут убить по национальному признаку, а тут просто ненавидят. Местные издеваются, обзывают „чеченскими тварями“, „чурками“. Так называют всех русских, которые родились в Чечне. Раз ты там родился — на тебе клеймо! Помощи не дождешься. А гадости делают изобретательно: то дом подожгут, то из села изгонят. Я, как белье постираю, во дворе повешу, его чернилами заливают. Собаку нашу недавно убили. Нет жизни — хоть вешайся. Чеченцы чеченцам помогают. Поддерживают. Многих за границу отправляют в райские условия. До нас же, русских беженцев из Чечни, никому дела нет».

ПРАВДА, КАК ОНА ЕСТЬ

Есть в Коране сура: «Землетрясение». Там сказано:

«Кто сделал на вес пылинки добра — увидит его;
Кто сделал на вес пылинки зла — увидит его!»

Эта сура имеет номер 99.

В 1999 году 21 октября, в пятом часу вечера на центральный рынок города Грозного «упала» российская ракета. Не одна. Еще две ракеты взорвались у грозненского родильного дома № 1 и Главпочтамта. К власти шел господин Путин.

Российская власть до сих пор, не стесняясь, врёт, что это был «рынок оружия».

На этом рынке я с шести лет помогала матери продавать семечки, жвачки, цветы, газеты и т. д. Были «перестроечные времена» 90-х, моей матери все время задерживали заработную плату. Мы — выживали. В день количество людей, торгующих продуктами и вещами на этом рынке, достигало четырёх тысяч! Ракета «упала» туда в пятом часу вечера, т. е. в самый разгар торговли. Только недалеко от моего торгового места погибли:

— пятнадцатилетняя девушка, которая торговала в ларьке шоколадными конфетами (ее мать и сестра были ранены);

— парень девятнадцати лет, он пришел помочь сестре сложить товар: сигареты, брелки, зажигалки;

— женщина на восьмом месяце беременности, торговавшая капустой, (сиротами остались семь детей)...

Ракета разорвалась в нескольких кварталах от нас! Можете себе представить, что творилось там, куда она попала?

***Из моего Дневника (1999–2002 г.г.) — единственного
опубликованного в России.***

«25 октября 1999 г., вторник. Российская сторона отказывается комментировать обстрел рынка. Но у чеченцев таких огромных ракет нет. Говорят, тех, кто был вблизи ракеты, разорвало на кусочки, и теперь родные узнают их по частям вещей: пуговицам, заколкам и кусочкам одежды».

В 1999 г. началась Вторая Чеченская война. Она была особо кровавой.

В Чеченской Республике остались редкие единицы «нечеченцев», как неясные тени, робко говорящие на чеченском языке, не имеющие никакого выхода из ужасного положения: ни родных в других регионах, ни жилья, ни возможности уехать. Татары, русские, армяне, аварцы, кумыки, болгары... Я их знала. Были и чеченцы, и ингуши — среди которых много порядочных и хороших людей, из-за бедности не сумевших выехать.

В надежде на робкий, призрачный мир, постоянно голодные, в холоде, без удобств и отопления, меняя на рынках башмаки на картошку, годами эти люди ждали затишья. Но мечтам в России не суждено сбываться: подводные лодки тонут, дома взрываются, а на рынки с капустой и хлебом — «залетают» огромные боевые ракеты класса «Земля-Земля».

Из моего Дневника (1999–2002 г.г.)

«20 января 2000 год. Юрочка, у которого повредился рассудок, внук бабки Нины, шептал мне про НЛО. Что солдаты не настоящие, что вместо них прилетели убийцы-пришельцы с другой галактики. А он ждал „своих друзей, русских“, но совсем не пришельцев...

Наконец, нам велели выходить. Тетя Аза и тетя Лина вылезли на свет и сразу стали собирать красивое красное мыло. Объявили, что им его оставили на хранение какие-то соседи. Мне было стыдно, но свой единственный кусок я не отдала.

- Разрешите зайти в свою квартиру! Паспорт взять. Как же я без паспорта? — мама волновалась.

- Нельзя! Паспорт вам не нужен. Вещи не брать! Двери не запирать! Вперед!

С сопровождающим.

Аза дала моей маме черное кожаное пальто.

- Ты мне хоть это спаси! — неожиданно попросила она.

Люди из двух домов шли цепочкой. Я увидела 11 человек. За углом, при выходе со двора, обстрел был сильнее. Шуршали и свистели мины. Недалеко разорвался снаряд. Полыхнуло прямо перед нами. Мы и военные шли вместе. Свои били по своим. Солдат слева

кричал матом в рацию. Но часть его речи я разобрала:

— Эй вы, пермяки! Мы это! Мы уже здесь! По своим бьете!

Мы шли первые: бабушка Стася, мама и я. Стася еле шла. Мы взяли ее в серединку, и все держались друг за друга. Я сама еле двигалась от голода и усталости... Когда раздавался шуршащий визг мины, все падали. А потом опять шли...

Нас подвели к обрыву. Я взглянула вниз. Там липкая глина и снег.

Юрочка трясся, крестил солдат и бормотал что-то типа:

- Кыш! Кыш! Улетайте отсюда!

Кто-то из военных пальнул короткой очередью из автомата, чуть повыше наших голов. Я испугалась и почувствовала, что падаю. У меня закружилась голова. Мама поддержала меня. А блуждающий осколок в правой ноге „проснулся“ и резанул со страшной силой.

Старая бабка Стася упала на колени и стала кричать:

- Что вы делаете? Мы свои, мы русские! Не стреляйте!

Мама стояла молча.

Солдаты засмеялись. Тот, что был круглый, как колобок, махнул рукой:

- Свободны! Катитесь вниз! А домой не смейте являться — у нас тут зачистка!

Мы его послушались. Действительно покатались вниз по глине и по снегу. Военный — тот, что ругался в рацию, — крикнул вдогонку:

— А насчет расстрела, это мы пошутили...

Мы брели неизвестно куда, то и дело, заскакивая в чужие гаражи от обстрела.

Сопровождающий указал нам на дом без окон и дверей, но с крепкими кирпичными стенами:

— Здесь пока пересидите. За нами другие части идут. У них жестче... Это мы хорошие — москвичи, у нас люди даже из вузов есть!

Он был высокий и очень худой».

«12 февраля 2000 г. Приехала мама моей подруги Хавы. Первым делом кинулась к нам. Спросила, где ее муж Султан? Мы рассказали:

„Султан 18 января, после похорон брата соседки Азы, пошел провести ваш дом, в частный сектор. Утром 19 января нас выселили на „зачистку“. Но с нами твоего мужа не было! Через 9 дней мы возвратились домой. Твоего Султана больше никто из нас не видел“.

Мама красавицы Хавы сразу заплакала. Ее настойчиво позвали Аза и Вовка. Сказали, что знают, где лежит Султан, и увели. Как потом выяснилось, Аза, Ольга, Вовка и Лина, блуждая по частному сектору в поисках наживы, давно нашли отца моей подруги.

Его расстреляли, и не одного. Рядом с ним на снегу лежали еще два человека.

„По этой улице и выше, — рассказывали местные жители, — шли федеральные части с осетинами. Это был кошмар! Ингушей они особенно ненавидели после конфликта в 1993 году из-за спорных земель. Так что расстреляли их втроем. Там были местный русский парень, чеченец, и привели этого ингуша“.

„Чтоб был интернационал“, — смеялись военные. А хоронить тела не отдали...»

Недалеко от этого места расстреляли старую женщину, в ночной рубашке и в теплом платке на плечах и ее дочь. Она была полностью раздета, лет 30-ть. Примерно через два квартала и выше, если подниматься от нас по частному сектору в гору, расстреляли девочку-чеченку семи лет с ее матерью и с теткой. Люди с этой улицы рассказали, что старшую сестру расстрелянного ребенка, девушку примерно моего возраста военные увели с собой.

В подвал общежития от хлебозавода военные бросили гранату. Погибли и чеченцы и русские люди, которые прятались там от обстрелов. Много людей! Были дети...

Мать одной из убитых женщин, по имени Галина, мы встретили на рынке «Березка».

Вероятно, там и погибли молодые чеченки, у которых однажды мы прятались от бомбежки в районе «Березки». Во всяком случае, они втроем собирались именно в этот подвал.

Для продолжения преступной войны в Чеченской республике российскому обывателю из телевизионного ящика в глаза также летела пыль. Создавался отрицательный образ «чеченца», который

бродит по городу в поисках очередной жертвы, и ко всем чеченцам началось предвзятое отношение. А ведь есть образованные и порядочные люди в каждом народе!

Чеченцы начали испытывать жестокое обращение в тюрьмах во всех регионах РФ.

Этот факт существует, и я свидетельствую, что имела возможность выслушивать ужасающие истории тех, кому чудом удалось выжить в «фильтрационных лагерях», и тех, чьи родные не вынесли пыток, сошли с ума или погибли.

Однако на общем фоне истребления ВСЕХ жителей Чечни, это выглядит лишь частью общего геноцида против мирных жителей. но никак не единственным геноцидом, который существовал в те годы.

ЭПИЛОГ

Читатели моих документальных дневников и рассказов часто спорят: на чьей я стороне?

«В одном рассказе Полина говорит о том, как чеченцы преследовали русских жителей Грозного, а в другом — как российские военные убивали мирных чеченцев» — сетуют недоумевающие искатели правды, запутавшись в паутине интернета.

Я хочу, чтобы вы знали: нет «правды одной стороны»

Я стою среди тех, кто принес воду и хлеб к руинам дома, где глубоко под плитами слышны стоны заживо похороненных стариков.

Я всегда буду выступать от лица мирных граждан, вынужденных находиться в нечеловеческих условиях войны, какой бы национальности они ни были, и каким бы именем ни называли Бога.

Никакой помощи или содействия для публикации своих документальных трудов я не имею. Когда я говорю как свидетель, потому что пережила все войны и геноциды в Чечне, мне часто пытаются закрыть рот сотрудники самых разных организаций. Но я буду говорить: за себя и за тех, на чьих костях построили небоскребы в Грозном, которые сейчас таинственно возгораются.

Я буду говорить. И писать. Пока, жива.

Я призываю к ответу виновных в преступной организации русско-чеченских войн, повинных в геноциде всех жителей Чечни всех национальностей.

Война в ЧР явилась крупномасштабным терактом, зеркальные осколки которого сыплются до сих пор в периодической последовательности: то в виде терактов, как взрывы жилых домов, то в виде взрывов в метро или в аэропорту Домодедово. Нельзя доводить страну до состояния гражданской войны, как это сделала современная власть.

Я требую для преступников международного трибунала и всемирного порицания.